

Нищий / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Нищий / рассказ НИЩИЙ

Он знал и лучшие дни, несмотря на то, что был калекой и нищим.

Ему было пятнадцать лет, когда на большой дороге в Варвиль ему раздавило ноги телегой. С тех пор он питался подаянием, бродя по дорогам и по дворам фермеров, раскачиваясь на костылях, от которых плечи у него поднимались до самых ушей. Голова пряталась между ними, как между двумя горами.

Он был подкидыш: кюре из Бийет нашел его в канаве в канун дня всех святых и окрестил поэтому Никола Туссен. Сирота, которого кормили из милости и никогда ничему не учили, потом калека — он попал под телегу, выпив несколько стаканчиков водки, которой смеха ради угостил его деревенский булочник, — и с тех пор, бездомный бродяга, он ничего не умел делать, только протягивал руку за подаянием.

Когда-то баронеса д'Авари разрешала ему ночевать на ферме, примыкавшей к замку, в набитой соломой конуре, возле курятника, и он знал, что в те дни, когда уж очень станет донимать голод, для него всегда найдется на кухне кусок хлеба и стакан сидра. Иной раз ему перепало и несколько медных монет: старая дама бросала их ему с высокого крыльца или из окна своей спальни. Но она уже давно умерла.

В деревнях ему не подавали, — слишком он всем был знаком, он всем намозолил глаза за те сорок лет, что слонялся от лачуги к лачуге, волоча, на двух деревяшках свое изуродованное и прикрытое лохмотьями тело. Но покидать эти места он не хотел, — он ничего не знал на земле, кроме трех — четырех деревушек, в которых прошла вся его жалкая жизнь. Он как бы обвел границей территорию своего нищенства; ему и в голову не приходило, что можно эту границу переступить.

Что было там, за деревьями, скрывавшими от него остальной мир, да и было ли там что-нибудь, он не знал. Он не задумывался над

этим. И когда крестьяне, которым надоело вечно наткаться на него то на краю поля, то у обочины дороги, кричали ему: «Ну что ты в другую деревню не пойдешь, нет тебе места, как только тут клянчить!» — он не отвечал и торопливо уходил прочь, охваченный неясным страхом перед неизвестным, страхом, который заставляет бедняка смутно опасаться тысячи вещей — новых лиц, бранных криков, подозрительных взглядов, а пуще всего жандармов, расхаживающих по двое по дорогам: увидев их, он, сам не зная почему, спешил спрятаться за кустом или за грудой щебня.

Стоило им замаячить вдаль, поблескивая галунами на солнце, и у него появлялось удивительное проворство, как у зверя, которого травят. Он соскальзывал с костылей, шлепался, как тряпка, наземь, съеживался, становился крохотным, незаметным, прижимался к земле, точно залегший в поле заяц, и его бурые лохмотья сливались с почвой.

А между тем у него никогда не было столкновений с полицией. Но этот страх и эта хитрость сидели у него в крови, словно он унаследовал их от своих родителей, которых никогда не видал.

У него не было пристанища, не было крова — даже шалаша, даже норы. Летом он спал где попало, а зимой с необыкновенной ловкостью забирался куда-нибудь в амбар или на конюшню. Он всегда успевал уйти раньше, чем его замечали. Он знал все лазейки, через которые можно было проникнуть в любой сарай, а руки и плечи у него от постоянного цепляния за костыли стали так сильны, что он мог, подтягиваясь на руках, вскарабкаться на сеновал; и там он, случалось, лежал, не выходя, по четыре — пять дней, если ему перед тем удавалось насобирать достаточно съестного.

Он жил среди людей, как зверь в лесу, — никого не знал, никого не любил, а у крестьян встречал только равнодушное презрение и привычную враждебность. Его прозвали «Колокол», потому что на ходу он раскачивался между своими костылями, как колокол между двумя столбами.

Однажды случилось так, что он двое суток ничего не ел. Ему перестали подавать. Хватит, до коих же пор, на самом деле! Женщины, стоя на пороге, кричали ему еще издали:

– Уходи, уходи, проваливай! Трех дней не прошло, как я тебе кусок хлеба подала!

Он поворачивался на костылях и плелся к соседнему дому, где его ожидала такая же встреча.

– Женщины, стоя в дверях своих домов, переговаривались между собой:

– Круглый год, что ли, кормить нам этого лодыря!..

Однако этому лодырю каждый день надо было есть.

Он обошел Сент-Илер, Варвиль и Бийет, не выпросив ни гроша, ни даже черствой корки. Оставалась одна надежда на Турноль, но туда было две мили по большой дороге, а он так устал, что шагу не мог ступить, и в животе у него было так же пусто, как в кармане.

Все же он двинулся в путь.

Дело было в декабре, в полях носился холодный ветер и свистел в голых деревьях, а по низкому темному небу мчались тучи, торопясь неизвестно куда. Калека брел медленно, с трудом передвигая костыли, опираясь на единственную свою изуродованную ногу с кривой ступней, обмотанной лохмотьями.

Время от времени он присаживался на краю канавы и отдыхал несколько минут. Голод наполнял тоской его темную, неповоротливую душу. Одна мысль владела им: «поесть», но он не знал, как этого добиться.

Три часа он тащился по бесконечной дороге; завидев деревья на краю села, он заковылял быстрее.

Первый же встречный крестьянин, у которого он попросил милостыни, закричал на него:

– Ты опять тут, попрошайка! Когда же мы от тебя избавимся?

И Колокол покорно отошел. В какую дверь он ни стучался, всюду его осыпали бранью и отсылали с пустыми руками. Все же он переходил от дома к дому, терпеливый и упорный. Он не собрал ни гроша.

Потом он побрел на фермы, увязая в размокшей от дождя земле, еле переставляя от усталости костыли. Отовсюду его прогоняли. То был один из тех холодных, хмурых дней, когда сердце у человека замкнуто и ум ожесточен, когда рука не протягивается ни для того, чтобы дать, ни для того, чтобы оказать помощь.

Обойдя все знакомые фермы, он сел на краю канавы возле усадьбы фермера Шике. Он «снялся с петель», – так о нем говорили, стараясь этими словами изобразить, как он вдруг соскальзывал наземь со своих высоких костылей, – и затем долго сидел неподвижно, мучась от голода, но не постигая тупым умом всей глубины своего несчастья.

Он ждал, сам не зная чего, с той неясной надеждой, которая вечно тлеет в сердце человека. Сидя у канавы, на ледяном ветру, он ждал чудодейственной помощи, которой мы никогда не перестаем ждать от неба или от людей, не задумываясь над тем, как, почему и через кого она может прийти. Мимо него прошла стайка черных кур: они копошились в земле, кормилице всего живого. То и дело они приостанавливались и подхватывали клювом зернышко или неразличимую для человеческих глаз букашку, потом продолжали свои неторопливые, уверенные поиски.

Колокол смотрел на них, не думая ни о чем; затем, скорее в желудке, чем в мозгу, у него зародилась не мысль, а так, глухое ощущение, что курица, если ее зажарить на костре из сухого валежника, будет очень вкусной.

Мысль, что он совершает воровство, даже не коснулась его сознания. Он нашел возле себя камень и швырнул в ту, что была поближе, и так как он был очень ловок, то уложил ее на месте. Курица повалилась на бок, трепыхая крыльями. Остальные разбежались, покачиваясь на тонких лапках, а Колокол, снова подвесившись на костыли и походкой очень напоминающей курицу, заковылял, чтобы подобрать свою добычу.

Он уже приблизился к маленькому черному тельцу с перепачканной в крови головкой, как вдруг страшный толчок в спину вышиб у него из рук костыли, а его самого отбросил на десять шагов в сторону. И фермер Шике, со всею яростью обворованного крестьянина, накинулся на грабителя, колотя его по чему попало кулаками и ногами, избивая смертным боем бессильного защититься калеку.

На подмогу хозяину сбежались работники и тоже принялись колотить нищего. Наконец, уморившись, они подняли его, оттащили в дровяной сарай и заперли там, в ожидании, пока придут жандармы: за ними уже послали.

Колокол лежал на земле, полумертвый, окровавленный, умирающий от голода. Настал вечер, потом ночь, потом утро. Он все еще ничего не ел.

В полдень явились жандармы и со всяческими предосторожностями отворили дверь. Они ожидали сопротивления, так как, по рассказам Шике, выходило, что бродяга сам напал на него и фермеру только с большим трудом удалось отбиться.

Бригадир скомандовал:

– Встать!

Но Колокол был не в силах пошевелиться. Он, правда, сделал попытку подняться, но безуспешно. Это было принято за хитрость, притворство, за уловку закоренелого преступника, и двое вооруженных мужчин грубо схватили его и силой поставили на костыли.

Его обуял страх, врожденный страх перед желтой перевязью жандарма, страх, который испытывает дичь при виде охотника, мышь – при виде кошки. И сверхъестественным усилием он удержался на костылях.

– Марш! – крикнул бригадир. И он зашагал. Все обитатели фермы собрались посмотреть, как его уводят. Женщины грозили ему кулаками. Мужчины зубоскалили и ругались: «Сцапали голубчика! Наконец-то! Туда ему и дорога!»

Он шел, а по бокам шагали жандармы. Его поддерживала энергия отчаяния, и до вечера он кое-как плелся по дороге, оглушенный, не понимая, что с ним случилось, да с перепугу и неспособный ничего понять.

Встречные крестьяне останавливались и бормотали, провожая его взглядом:

– Видать, вора поймали!

К ночи добрались до города. Он никогда тут раньше не бывал. Он совсем не представлял себе, ни что происходит сейчас, ни что ждет его дальше. Все было неожиданным и страшным – все эти новые лица и незнакомые дома.

Он молчал: ему нечего было сказать, потому что он решительно ничего не понимал. Да к тому же он столько лет ни с кем не разговаривал, что почти утратил дар речи; и мысли его были слишком смутны, чтобы их можно было облечь в слова.

Его отвели в городскую тюрьму. Жандармам не пришло в голову, что ему надо дать поесть, и его заперли до завтра. Но когда на другой день рано утром пришли звать его на допрос, он лежал на полу мертвый. Какая неожиданность!

* * *

Напечатано в «Голуа» 9 марта 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод О.Холмской. Некаýalar